

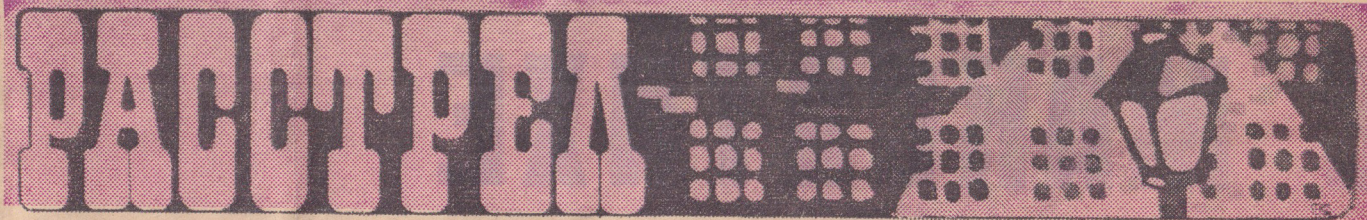
ИЗ
НЕОПУБЛИКОВАННОГО
И ЗАБЫТОГО

Артем ВЕСЕЛЫЙ

рассказ

29 сентября исполняется 80 лет со дня рождения русского советского писателя Артема Веселого [Николая Ивановича Кочкурова, 1899—1939]. Сын самарского грузчика, член Коммунистической партии с марта 1917 года, он активно участвовал в Октябрьской революции. Воевал на деникинском фронте, служил матросом Черноморского флота, чекистом, сотрудничал в большевистских газетах. Россия, разбухшая революцией, бурями гражданской войны, стала глав-

ра, около заиндевавшей от мороза кирпичной стены, на высоком столбе раскачивается от ветра газовый фонарь. Светло от снега, звезд и холодного, сине-золотого месяца. На лицевой стороне тюремного корпуса жутко чернеют два ряда квадратных окон.

Тюремная администрация уже предупреждена. Начальник тюрьмы, маленький вертлявый человечек, проворно шныряет между вооруженными людьми и, нервничая, торопливо сыплет:

— Ну, господа, я надеюсь... Смотрите в оба!

— Ничего, все будет хорошо.

— Не первый раз...

— Будьте покойны, — уверенно бацит начальник отряда.

— Я думаю, я думаю!

Оба начальника идут в канцелярию.

В кабинете тепло и уютно. Стоящая на столе под зеленым шелковым абажуром лампа льет матовый, неяркий свет. По стенам развешаны царские портреты в тяжелых золотых рамах.

Глубоко усевшись в кресло, начальник тюрьмы потягивает коньяк и непринужденно болтает о последних тюремных новостях. Рассказывает о вновь прибывшей большой партии красноармейцев, о неудавшемся побеге с работ двух алтайских рабочих.

Начальник отряда заметно волнуется, с видимым нетерпением слушает болтовню своего друга и, посмотрев на часы, торопится:

— Пора, пора... Страшно спешу!

— Еще стаканчик, — предлагает приятель.

Выпивают.

— У вас списки готовы?

— Все в исправности... Вот-с, извольте!

— Тридцать?

— Тридцать.

— А слышали, — по привычке подкручивая перед зеркалом усы, спра-

тюремную стражу и плачущим голосом выл:

— Ваша, ваша милость!.. Не виноват я! О-о-о!

Многосемейный старик — рабочий Першин — забился под нары, но оттуда его вытащили и выволокли в коридор. Остальные арестованные угрюмо ждали: что будет?

Из соседних камер также выдерживали приговоренных к расстрелу товарищей.

На подмогу тюремной страже пришли отрядники, которые были все добровольцы — белогвардейцы.

Арестованных вывели по одному, по двое и во дворе выстроили в шеренгу.

Камеры проснулись. К «волчкам» подбегают заключенные, видны их сверкающие глаза.

Выводят последних арестованных. Тюрьма волнуется, бунтует. В двери бьют кулаками, ногами, несутся крики, ругань, свист:

— Палачи!

— Звери... звери!

— Прощайте, товарищи!

— Будем помнить!

— Отомстим!

— Прощайте!

Сотни невидимых рук судорожно вцепились в железные решетки и, кажутся, потрясают тюрьму до основания.

Коридоры опустели. В камерах слышатся дикие вопли и рыдания:

— Прощайте, товарищи!

Вслед обреченным на смерть несутся пламенные слова величественного марша: «Вы жертвою пали в борьбе роковой...».

Казалось, сама тюрьма стонет и злобно, глухо рыдает по ушедшим товарищам.

За воротами приговоренным построили по три в ряд, окружили плотным кольцом штыков, и начальник

отходил по Исян-Сурскому хребту на Стерлитамак и через Южный Урал в Сибирь. Здесь разбитые части перестроились и опять бросили в бой...

Армия отступала и быстро таяла...

У Байкала, в глухую дождливую ночь, один из красных отрядов был зажат в тиски с одной стороны «Народной Армией», а с другой — семеновцами. Всю ночь и весь следующий день гремели орудийные залпы, сверкали молнии взрывов, слышалась трескотня пулеметов и винтовок. А к вечеру, когда в цепи от 800 человек осталось здоровых 50, то держаться дольше не было никакой возможности... Взорвали бронепоезд, две своих батареи, снаряды — все привели в негодность и взорвали, что можно было взорвать*!

Это было тяжело, но этого требовала необходимость. А сами, нагрузившись патронами и провизией, ушли в тайгу. С ними ушел и Чунаков.

...Месяц скитания по тайге. Нескольким человек умерло от истощения. Потом вышли на далекий, суровый, но сказочно красивый Алтай.

Смертельно измученные, голодные и, главное, затравленные рыскавшими по таежным дорогам и горным дорогам бродячими иногородцами-охотниками, которые за одну винтовку готовы были убить дюжину людей, красноармейцы забирались в дикие, недоступные горы.

Чунаков хорошо помнил эти пыльные белые гривы, вздымавшиеся за облака, дикие ущелья и бездонные пропасти. Помнил чистые, как зеркала, горные озера с нависшими над ними крутыми, хмурыми скалами. Когда дни были серые и небо свинцовое, то и озера отливали расплавленной сталью.

Кажется, не имеет конца-краю темная молчаливая тайга...

женная революция, бурми гражданской войны, стала главной темой его рассказов, повестей, пьес, романа «Россия, кровью умытая».

Рассказ Артема Веселого «Расстрел», который мы предлагаем с незначительными сокращениями вниманию читателей «Литературной России», был опубликован в декабре 1919—январе 1920 годов в тульском журнале «Пролетарское строительство» и с тех пор не переиздавался.

МОРОЗНАЯ и ясная ночь. Звонкая и чуткая тишина. Строго красив и далек холодно-огненный, путанный узор ярких звезд. Над маленьким приисковым сибирским городком торжественно плывет гул колоколов.

Город со всех сторон обступила глухая, непроходимая тайга. В суровом величии и гордой красоте сплошной зеленой стеной, обнявшись, стоят под пушистыми шапками снега пихты и кедр.

Занесенные снегом улицы тихи и безлюдны. Из сугробов выглядывают свежившиеся от холода хмурые и черные лацуги. Кое-где в маленьких замерзших окошках светятся пугливые огоньки...

К тюрьме, большому и мрачному зданию, тяжелым размеренным шагом подходит небольшой отряд вооруженных людей и останавливается перед железными, наглухо запертыми воротами с квадратным окошечком.

— Вольно! — тихо раздается команда.

Вооруженные люди спускают с плеч винтовки и, греясь, топчутся на одном месте и припрыгивают. Начальник отряда, с носом закутанный в башлык, спрыгивает с лошади и подходит к черному квадрату окошечка.

— Пароль? — спрашивает голос из-за ворот.

— Шадринск.

— Шпага, — отвечает тот же голос.

Тяжелые железные ворота с визгом открываются и, пропустив отряд во двор, опять захлопываются.

Железный переплет решетки вторых ворот на тюремный двор. Маленькая собачка вертится под ногами надзирателя. Громыхнув связкой ключей и открыв замок, он угодливо распахнул перед начальником отряда решетчатую калитку.

Отрядники один за другим проходят и строятся в две шеренги. В углу дво-

— А слышали, — по привычке подкручивая перед зеркалом усы, спрашивает один начальник другого, — на фронтах наше дело как будто того... а?

— Пустыня!.. Временный ступор по стратегическим соображениям. Поверьте мне!

Захватив с собой человек двадцать тюремной стражи, вооруженной револьверами и пистолетами, пошли по узкому длинному коридору. Шаги гул-ко раздаются по асфальтовому полу и пугают палачей. Поднимаются на второй этаж.

— Камера 67!

Тихо звякнули ключи. Заскрежетав на ржавых петлях, с глухим стоном отворилась дверь, и на людей, только что вошедших с морозного воздуха, пахнуло вонью, сыростью и гнилью.

Полосы света двух фонарей пугливо шарят по камере, скользят и освещают стены, нары, грязный пол, прижавшиеся друг к другу спящие серые фигуры.

Стража пинками поднимает с полу арестованных.

Начальник тюрьмы подносит список к фонарю и читает:

— Чунаков, Упит, Кирсанов, Хрипушин, Першин, Комкевич — выходи.

Арестанты протирают глаза:

— Куда?

— Зачем?

— Не разговаривай. — Удар прикладом.

Вдруг кто-то крикнул:

— Расстреливать ведут!

Трепет пробежал по арестантской массе. В камере все перемешалось. Мелкий торговец Кирсанов, арестованный «по подозрению в сочувствии коммунизму», ползал по грязному полу, дрожащими руками ловил за ноги

строили по три в ряд, окружили начальником кольцом штыков, и начальник скомандовал:

— Шагом, арш!

Пошли. Снег скрипит и хрустит под ногами. Сухой холодный ветер жжет лица.

Красноармеец Чунаков идет во главе колонны и думает... Быстро думает о многом.

Мысль, точно муха, попавшая в паутину, мучительно и бессильно бьется.

«Неужели конец? — с ужасом думает он и по привычке старается шагать в ногу с рядом идущими товарищами. — Неужели конец?»

Миновали городскую окраину и вышли на снежную равнину, печальную и безмолвную. Таежной лесной дорогой вести приговоренных боялись. Могли разбежаться.

Чунаков шел, по колена увязая в сухом, сыпучем снегу, и вспоминал последние полгода своей жизни.

...Первый раз их дивизию жестоко потрепали на Волге. Полк, в котором состоял Чунаков, отходил в широкие Оренбургские степи, отбиваясь от наседавшего врага. Редкий день проходил, чтобы из строя не выбывало несколько десятков людей.

Богатое казачество, почуяв запах крови и наживы, поднялось поголовно. Станицы превратились в вооруженные лагеря. Ночевать приходилось в степи, выставляя по сторонам сильные дозоры. Мелкие отряды казаков, как стай волков, рыскали всюду, производили неожиданные нападения, чаще всего ночью, сжигали на дорогах деревянные мосты, перерывали дорогу канавами.

С Оренбурга полк, истекая кровью,

ная молчаливая тайга...

Трудно было идти: еле заметные тропинки, проложенные в тайге зверем или охотниками, часто выводили к жалюю, их приходилось миновать и идти целиной. Целыми днями шли они и ничто, кроме хруста сушняка под ногами, не нарушало мертвую тишину тайги. Только по ночам, привлекаемые светом костра, сбегались голодные кровожадные таежные звери — шакалы, рыси и волки...

Наступившие холода согнали красных с высоких снежных гор обратно в тайгу. Решили пробраться к линии железной дороги и начать партизанские действия против белых.

Еще месяц плутали по мертвенно-тихим, безжизненным урманам, обходили трясины, торфяные болота и бездонные лесные топи.

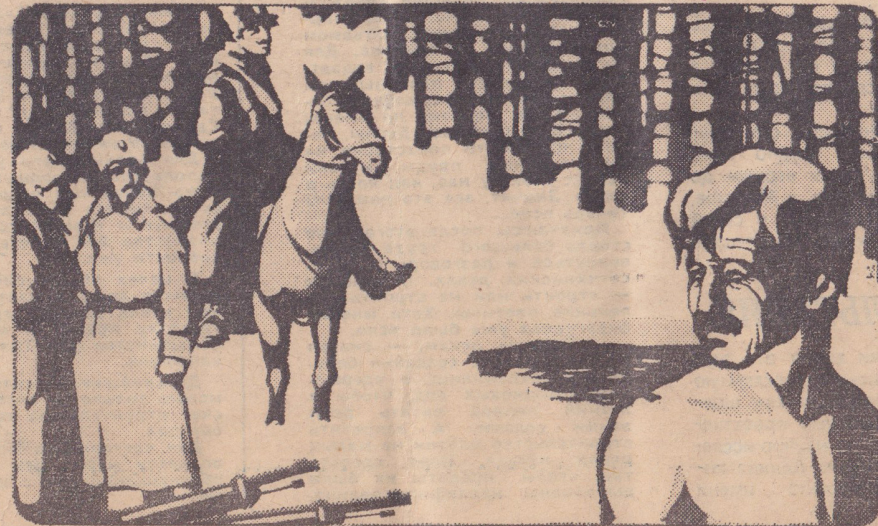
Питались кедровыми орехами, в тенистых сырых местах щипали и ели ягоды голубицы. Иногда удавалось подстрелить лося, соболя, белку. Патроны приходилось жалеть, и тетеревов, глухарей не стреляли.

Выпал первый снег и пухлыми клочьями повис на ветвях сосен, лиственниц и кедров, которые стояли не шелохнувшись, точно думая какую-то крепкую думу. Патронов оставалось по обьему на человека, и пищу стало доставать неоткуда. И вот, еле живые от голода и изнуренные, все они были вынуждены выйти на глухой сибирский приисковый поселок. Там их накормили хлебом, молоком. В этот же день на поселок нагрянул разведывательный отряд уссурийских казаков. Произшел короткий, горячий бой, после которого как с той, так и с другой стороны были десятки убитых и раненых. Казаки, озлобленные тяжелыми потерями, пистолетами порубили взятых в плен здоровых и раненых красноармейцев, оставив в живых только двоих, должно быть, для допроса. Повезли в уездный городишко в тюрьму, где и пришлось просидеть около двух месяцев...

Теперь Чунакова вместе с другими товарищами вели расстреливать.

Начальник верхом на лошади ехал впереди и, должно быть, выбирал место, где бы остановиться. Шли молча, только иногда охрана грубыми окриками и прикладами подгоняла отставших. В головах осужденных лихорадочно горели и скакали мысли. Каждый перебирал в уме, как страницы интересной книги, прожитые дни и годы. Теперь уже для каждого из них не было возврата к прошлому.

* Действительный случай, имевший место в 1918 году во время наступления Колчака, к которому относится настоящий рассказ.

Несканданно молодой, звенящий голос нарушил молчание:

Дружно, товарищи, в ногу!

То запел хохол Остапенко, и еще несколько задорных голосов нестройно, задыхаясь от морозного воздуха и от тяжести неминуемо надвигающейся смерти, подхватили:

*Духом окрепнем в борьбе!
В царство свободы дорогу
Грудью проложим себе!*

К группе подскочил начальник с длинным холодно блестящим маузером в вытянутой руке:

— Молчать, мерзавцы!

Громче и дружнее зазвенели голоса. На головы и плечи товарищей посыпались удары. Однако это не сломило гордого духа певцов, и до самого места расстрела они шли и пели назло палачам. Примирились с мыслью о неизбежности смерти, и страха как не бывало.

Торжеством победы, и криком ликования, и большой светлой радостью звучала боевая песнь.

Остановились у подножия холма на льду, посредине узенькой речушки. Принесенной лешней наскоро прорубили прорубь и приговоренным приказали раздеваться. Когда все тридцать разделись и остались босиком и в нижнем белье, их выстроили в шеренгу, и начальник скомандовал:

— Садись!.. вашу мать!

Сели на корточки или поджав под себя ноги, прямо в снег.

— Кто первый? Выходи.

— Я! — отозвался Остапенко и подошел к краю проруби.

— Повернись! — Два дула поднялись в уровень с его лохматой головой.

— Нехай, и так гоже, — ответил хохол и стал смотреть прямо в дула винтовок. Скосил глаза в сторону своих и сделал усилие улыбнуться.

— Пли!

Громыкнули враз два выстрела. Одна пуля образовала черно-красную дырку над левой бровью, другая — сорвала половинку верхней губы. Стоявшие наготове по бокам Остапенко два белогвардейца подхватили падавшее тело и ногами спустили в прорубь...

— Другой выходи!

Вторым вышел пожилой красноармеец Бирюков, бледный, с опущенными книзу жидкими усами.

Он потрогал рукой горло и крикнул:

— Товарищи! — И, схватившись за грудь, закашлялся, хотел еще что-то сказать, но только махнул рукой и, повернувшись к убийцам затылком, зажмурился.

И опять по команде начальника враз громыкнули два выстрела, и новое тело спустили в прорубь.

Третий вышел, не дожидаясь приглашения. Он хотел говорить, но ему не дали.

— Пли!

Из дул винтовок молнией блеснули огоньки. Пули пробиты шею. Товарищ упал, окрашивая вокруг себя лед черной кровью. В горле что-то хлюпало и хрипело. Смертельно раненный, он делал движения руками и, казалось, старался подняться. Один из палачей приставил ему к уху револьвер и выстрелил, тем самым покончив мучения.

— Следующий!

— Скорее возись, ждешь холодно, — попросил один приговоренный.

В ответ на это начальник отряда показал на черный квадрат проруби и хмуро бросил:

— Там погреемся!

Никто не смотрел на все происходя-

Чунаков смотрел на все происходящее и ясно представлял себе, что с ним будет.

...Вот сейчас возьмут и расстреляют. Весной река тронется и льдинами разотрет все тело на мелкие клочья. Он был силен и здоров, а потому и умирать ему было страшно. В его теле каждая жилочка плакала и жалела о жизни. И мозга коснулась острая, как лезвие бритвы, дерзкая мысль: «А что если попытаться?» Он глазами смерил расстояние от берега до кустарника, который тянулся на много верст.

Больше одного раза не убьют! И он бросился бежать в сторону. Время, за которое он пробежал пять—десять сажен, показалось вечностью.

— Стой! Стой! — слышалось сзади.

Беспорядочно захлопали выстрелы. Бежать было легко и весело.

«Не попадут», — радостно думал Чунаков и, увязая выше колена в снегу, взбирался по крутому обрыву. До кустарника было не так близко, как это казалось с реки, но Чунаков был очень молод и силен. Ему так не хотелось умирать, так не хотелось...

Публикация Г. ВЕСЕЛОЙ

Рисунок В. КАЗИНЦЕВА
